

О СВОБОДЕ

М. ТЕОДОРАКИС

Несколько слов об авторе и его статье. Мики Теодоракис — депутат греческого парламента, руководитель прогрессивной молодежной организации «Молодежь Ламбраниса», один из популярнейших (если не самый популярный) из современных греческих композиторов. Его песни звучат во всех городах и селах Греции. Были они и неотъемлемой частью почти каждой музыкальной программы греческого радио. М. Теодоракис известен своими решительными выступлениями в защиту демократии и прогресса. Очевидно, поэтому с недавнего времени его песни исключены из программ греческого радиовещания.

Мы перепечатаем статью М. Теодоракиса, опубликованную 18 и 19 января в газете «Авги». Статья эта является ответом на «открытое письмо» Теодоракису некоего С. Констандопулоса, журналиста из крайне правой газеты «Апоевматини» по поводу «перевертышей», о которых недавно писали «Известия» (см. № 10 за 1966 год). Статья композитора-демократа представляет собой ответ реакционеру.

ВОТ ОНА, характерная черта наших дней: преступная лакейская олигархия и средневековый обскурантизм, с 15 июля одевшие походную форму, запрягают передачу моих песен по греческому радио и в то же время, облачившись в прокурорскую тогу, провозглашают по моему адресу: «Обвиняемый, признайся! в том, что свободы не существует... в Советском Союзе!» Они предлагают заявить протест против ареста двух русских писателей (арестованных, кстати, не за их творчество, а за действия против своей страны). Было бы гораздо более естественным потребовать от моих обвинителей найти оправдание тому, что творится у нас в доме. Иначе говоря, оправдать преследования не за какой-то один определенный проступок, а за само духовное творчество, за то, что убеждения того, кто творит, не нравятся «властям предержащим». Автор статей в газете «Апоевматини» уже прибегал к подобному рода трюкам и, откровенно говоря, я должен выразить восхищение той ловкостью, с которой он выдает черное за белое и защищает «так хорошо» такое скверное дело, ибо отношения консерватизма и реакции с творчеством и свободой являются делом скверным.

Вы, наверное, уже слышали о том, что художник творит тогда, когда он переживает страдания. Часто говорят (и пишут) о том или ином творце, умершем в расцвете лет в результате лишений: «Если бы он не голодал и не болел, то он не написал бы этот шедевр». Благодаря подобной басне класс, стоящий у власти, ухитряется не только получать индульгенцию за гибель гениев, умерших в нищете, но более того — устанавливать законы морали! Творец-де пользуется абсолютной свободой! В переводе на исторический опыт это означает: творец является абсолютным покиннутым, ибо только таким образом он переживает голод, страдает, болеет и... творит!

Вот это-то и является трюкачеством, г-н С. К.: сперва убить творца невзгодами, а потом (после смерти) гордо заявлять: «Я его мучил для того, чтобы он творил!». Таков закон духовной жизни «свободного мира», которым вы возторгаетесь и который вы противопоставляете условиям жизни и творчества советской интеллигенции, называя эти условия «законом джунглей».

Между тем именно за красивыми витринами «свободного мира» («право критики», «право материального выражения идей», «право протеста») идет жестокая, зверская и гибельная борьба. Она кончается тем, что возможности удержаться в жизни достигают не всегда те, кто заслуживает этого, но наверняка те, кто обладает выносливостью, удачливостью и приспособленчеством.

Во время процесса взаимного уничтожения гибнут и исчезают духовно ценные элементы, а выживание немногих оплачивается настоящим геноцидом твор-

ческих клеточек общественного организма.

ТАКОВА ваша система, г-н С. К., — система уничтожения духа. Из десяти несомненных творческих индивидуумов она уничтожает девять. Таким образом, к чему им «право критики» и остальные права, г-н С. К., когда по существу вы не даете им права существовать. Даже если предположить, что эти права имеются, они бесполезны. Ведь чтобы пользоваться ими, эти девять десятых творческих элементов страны должны жить, а ваша система их убивает.

Итак, прежде чем мы подойдем к вопросу о правах и свободах творцов, нам стоит рассмотреть, каким образом каждая из систем помогает молодым людям обнаружить в себе свой талант, свое предназначение в жизни и достигнуть совершенства. Я обвиняю вашу, г-н С. К., систему в том, что она является убийственной и для всей нации, так как она уничтожает цвет национального дерева — духовных творцов. Процесс этого уничтожения мы можем разделить на три этапа.

Этап первый. Творцы (talenty и гении) убиваются до того, как они обнаружат сами себя. Действительно, г-н С. К., одна из ваших свобод, в которой не приходится сомневаться, — это свобода голых и босых подпасков и малышей — чистильщиков сапог оставаться всю жизнь голыми, босыми. А если кто-нибудь из них является, скажем, Хачатуряном или Соломосом или Эль-Греко? Разве это лишено вероятности? Иначе, кто создал наши гениальные народные песни и нашу непревзойденную народную культуру? Пожалуй, с уверенностью можно сказать, что десятки гениев рождаются в хижинах и бараках. Однако ваша своеобразная свобода не только не помогает им обнаружить самих себя и прославить свою страну, а как раз наоборот — «обеспечивает» им погребение своих талантов, своей гениальности в этих же самых хижинах. Ведь ваша своеобразная свобода, г-н С. К., предназначается, конечно, не для многих, а только для некоторых.

Этап второй. Огромное большинство тех творцов, которым в конечном счете удается обнаружить в себе творческую силу, уничтожается в процессе отбора.

Конечно, они обладают «правом материального выражения своих идей и своих чувств посредством типографских знаков, рисунка, красок и звуков». Конечно, все это свободно — и типография, и театры, и оркестры, и выставочные залы. Однако, что именно является здесь критерием? Непосредственная прибыль собственников всех этих средств распространения идей. Это означает, что направление творчества намечается в соответствии не с желанием самих творцов, не с морально-духовными и эстетическими интересами народа, а в абсо-

лютном соответствии с материальными интересами (и в особенности с непосредственной прибылью) «тех, кто владеет средствами общения (типографиями, книжными магазинами, кинотеатрами, оркестрами, радиостанциями и т. д.), в результате чего интеллигенция и деятели искусств являются рабами собственников». Как видите, г-н С. К., я изменил в вашей цитате только одно слово — вместо слова «государство» я поставил слово «собственник». Вы отдаете предпочтение второму (так как вы у него на службе). Я же с полной смелостью предпочитаю социалистическое государство, так как в нем собственником являюсь я сам вместе со всем народом. В этом и заключается существенная разница между нами.

Однако вернемся к процессу уничтожения. Мы оставили нашего неудачника-творца у дверей собственника. Откроет ли он ему? Собираясь сделать это, собственник должен быть уверен в том, что тот принесет ему доходы. Однако творец пока что является лицом незначительным, неизвестным, бедным и, конечно, не достигшим зрелости. Ни с чьей стороны к нему нет доверия. Он должен сперва достичь совершенства, стать «фирмой», для того чтобы добиться доверия собственника. А кто поможет таланту в этом? Ведь ему необходимо учиться, заниматься творчеством и в особенности иметь возможность питаться, одеваться, существовать. Может быть, за его первыми незрелыми опытами скрывался будущий гигант искусства. Однако, кто может им заинтересоваться? «Свободный мир», опирающийся на закон прибыли, не вмешивается в вопросы, касающиеся «свободы личности» (то есть свободы гибели творческой личности).

Этап третий. Подавляющее большинство творцов, которые в конечном итоге «созревают», подчиняются законам монополий, которые и эксплуатируют искусство и духовное творчество, сосредоточив в своих руках средства их распространения. Подавляющее большинство законченных художников-творцов непосредственно или косвенно подвергается влиянию общества, в котором господствуют частные финансовые интересы, и попадает от него в зависимость. Было бы чрезвычайно интересно исследовать, какие именно границы «свободного творчества» предусмотрены колоссальным аппаратом такого общества и теми сложными взаимоотношениями, которые существуют между «свободными творцами» и «свободным миром».

Короче говоря, финансовая олигархия не только не нуждается в том или ином широком духовно-творческом движении, но и считает свободное движение убыточным для своих интересов, так как оно ведет к пробуждению народа. Ее интересуют только те, которые ее обслуживают. Поэтому она и предоставляет мрачному закону «естественного отбора» выдвижение немногих творцов, которых она постарается превратить в златокопых священных коров с тем, чтобы обеспечить, наряду со своим духовным удовольствием, колоссальную материальную выгоду и огромные возможности влияния на широкие массы.

ОДНАКО, прежде чем подойти к вопросу о правах и свободе тех, которые так или иначе выжили и «созрели» после неслыханного геноцида, необходимо бросить взгляд и в другую сто-

рону: каковы те идеалы, которые предлагает «свободный мир» творческим деятелям? Что нам вспомнить в первую очередь из тех преступлений, которые совершаются империализмом против человека? Массовые убийства в Конго или резня в Анголе? Расистскую истерию в Южной Африке, в Родезии, в США или убийства в Доминиканской Республике? Или, наконец, напалмовые бомбы во Вьетнаме?

Однако даже если мы ограничимся только пределами нашей родины, то мы поймем, что, лишь прибегнув к большим дозам анестезирующих средств, наши творческие деятели могут не слышать стонов нищеты, отчаяния и гнева, доносящихся со всех углов нашей страны. Разве чуткий, духовно развитый человек не должен испытывать чувства стыда за каждого голодающего, покрытого синяками, оборванного и босого греческого ребенка, за каждого оставленного на произвол судьбы больного и старика, за все растоптанные мечты нашей молодежи, за каждый барак и хижину, за лишения, темноту, грязь в каждом покинутом углу нашей родины, за распродажу иностранцам природных богатств нашей страны? За каждого эмигранта, за каждое национальное унижение, предательство и раболепие, за каждое гонение мысли, творчества, убеждений, идей и духа, за каждое «удостоверение о благонадежности», за каждый насильственный закон и насильственную меру? Эта цель стыда бесконечна. Но все те, кто действительно испытывает чувство стыда и выражает его, становятся сразу «носителями заразы» и «врагами общества». Остальным же дается изрядная доза хлороформа для того, чтобы они не слышали и сохраняли молчание или, короче говоря, «свободно» подчинились закону того мира, представителем которого вы являетесь. «Если ты хочешь быть свободным и хочешь, чтобы тебя публиковали, играли и передавали по радио (за что мы тебе и платим), тогда научись подавлять свою чуткость и отказываться от своего чувства человечности».

Можете ли вы нам продемонстрировать, г-н С. К., творцов и их художественные произведения, созданные на основе вашей идеологии — идеологии антикоммунизма? Их у нас нет, так как единственное, что даровано антикоммунизмом человечеству, — это уничтожение мыслей и творчества. В нашу эпоху духовное творчество и свобода идут рука об руку не с консерватизмом и реакцией, а с прогрессом и великими идеями, которые новый мир возносит все выше.

Таково положение вещей и сущность взаимоотношений, г-н С. К. Я вас обвиняю не только в том, что вы губите цвет национальных талантов, но и в том, что вы пытаетесь навязать гниль того мира, который вы представляете, тем, кто созрел, и заразить этих немногих созревших червоточины безразличия, компромисса и торгашества.

И вдруг ни с того, ни с сего, в то время как нам, грекам, которые продолжают оставаться чуткими и фантастически преданными своей земле, своим традициям и мечтам своей родины, приходится испытывать чувства стыда за столько вещей, вы оказались «обеспоконенными» тем, что двое русских писателей попали в тюрьму. Ваша чувствительность выплеснулась через край. Как можно назвать подобное явление? Телепатией? Вас трогают только стена, доносящиеся с расстояния в десять тысяч километров, а то, что происходит в двух шагах от вашего кабинета, оставляет вас безразличным. И тем не менее вы, г-н С. К., прекрасно знаете, что в социалистических странах делается все возможное, чтобы помочь

талантам и творцам и выдвинуть их. Десятки институтов в каждой из этих стран взяли на себя задачу сохранения и распространения народной культуры. Сотни библиотек, балетных школ, специальных институтов для писателей в сочетании с материальной, моральной и духовной помощью каждому молодому человеку или девушке, желающим посвятить себя искусству и духовному творчеству, обеспечивают небывалый расцвет культуры. Десятки тысяч кинотеатров, хоровых ансамблей, десятки опер, балетов, симфонических оркестров, сотни народных ансамблей, десятки киностудий, тысячи выставок с фантастическим количеством экспонатов, сотни театров, густая сеть радиовещания и телевидения, дешевые пластинки, книги, зрелища — вот это и является царством творца, художника.

Тысячи стипендий, начиная с малого возраста и кончая глубокой старостью, мастерские, студии — все это для композиторов, художников, поэтов, артистов и писателей. Кому принадлежит все это? Гамин же творцам! Критерии определяются ими самими — качественные критерии в основном. Каково их направление? Конечно, не цели прибыли, а цели культурного развития народа по пути гуманизма.

Существуют ли границы свободы духовного творчества? В отношении эстетических форм в прошлом были совершенные ошибки. Сегодня прилагаются большие усилия к их устранению. Форма произведения создается каждым ответственным творцом. Существует ли полная свобода в отношении содержания и идей произведения? Безусловно да, за исключением только одного: интересы революции или, иначе говоря, основные завоевания всего народа не должны быть затронуты. Такой поступок представляет собой двойное предательство, как было бы двойным предательством и любое «великое» произведение искусства, в котором прославлялся бы период гитлеровской оккупации.

В настоящий момент врагом революционных достижений является тот пожар империалистической войны, который стремятся зажечь и рассеять по всему свету параноики из Пентагона. Следовательно, каждая услуга, оказываемая поджигателям, представляет собой акт предательства по отношению ко всему миролюбивому человечеству. В особенности тогда, когда эту услугу оказывают те, кто, в отличие от того, что происходит в нашей стране, был выпестован, получил помощь и вырос в условиях необыкновенных забот и любви, о которых я говорил раньше. В этом случае такой проступок является осо-

бенно отвратительным, ибо он носит характер черной неблагодарности.

НЕТ, ПО СОВЕСТИ говоря, не идет вам позиция прокурора, г-н С. К. Если вам так хочется быть представителем консерватизма и реакции, тогда ваше место на скамье подсудимых. Вас будут обвинять все творческие деятели и те, которые обрели самих себя, и те, которым вы не давали этой возможности, и те, которые достигли зрелости (и которых вы сконструировали), и те, которые не достигли ее (и которых вы раздавили). Вас будут обвинять не только они, но и весь народ, у которого вы отнимаете достойных деятелей, возможность получить образование, возможность контакта с художественным и духовным наследием человеческой культуры, являющейся собственностью самого народа, а не кучки вырождающихся бездельников и престарелых дам.

Остается еще один из приведенных вами доводов: не является ли доказательством нашей свободы тот факт, что мы можем обо всем этом писать, не рискуя быть брошенными в тюрьму? Вы забываете, г-н С. К., что вы представляете собой умирающий мир. Мир, который рушится в результате внутренних противоречий, мир, разлагающийся и бессильный против всемогущего движения жизни. Вы — это вчера, мы — это завтра. Свобода, которой мы располагаем, дарована нам не вами и никем другим. Мы сами ее завоевали. Почему вы меня не бросаете в тюрьму? Конечно же, не потому, что вы относитесь ко мне с любовью, а потому, что вы охвачены страхом перед этой бурной рекой — перед жизнью, народом, завтрашним днем! К тому же это и не в вашей власти, которой вы в конечном итоге в общем-то уже не располагаете. Вы уже давно перестали оказывать услуги жизни, если не считать гонений и эксплуатации. Теперь народ уже понял вас, и в этом отношении не может существовать никаких недоразумений: вы являетесь наименее подходящей личностью для роли адвоката по вашему делу, так как вы грубо отрицаете даже те принципы самой вашей системы, которые вы провозглашали в период восхождения этой системы, и те ценности, которые эта система преподносила человечеству.

С вами нам не о чем говорить. Вы представляете потерянный бесполезный мир, единственным правом которого пока еще остается право уступить дорогу жизни и народу. Только в этом случае наступит возрождение нашей страны и наши представители творческого мира станут по-настоящему свободными личностями и духовными вождями подлинно свободного народа.

Известия, 1966, 25 января